

Неклассическая экстерриториальность уголовного закона (в контексте Федерального закона от 05.05.2014 г. № 91-ФЗ)

К.А. Цай

аспирант кафедры уголовного права и криминалистики Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики». Адрес: 101000, Российская Федерация, Москва, ул. Мясницкая, 20. E-mail: D503.ts@mail.ru

Аннотация

Статья посвящена рассмотрению проблемы расширения российской уголовно-правовой юрисдикции посредством принятия Федерального закона от 05.05.2014 г. № 91-ФЗ «О применении положений Уголовного кодекса Российской Федерации и Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации на территориях Республики Крым и города федерального значения Севастополя». В рамках указанного нормативного правового акта законодатель отказался от традиционного дифференцированного закрепления правил действия уголовного закона во времени и пространстве, объединив их в тексте единой коллизионной нормы. В истории уголовного права нашей страны, равно как и в современной законодательной практике зарубежных государств, отсутствуют аналоги приведенного решения, что в совокупности с некорректной юридико-технической регламентацией привело к двоякому толкованию коллизионной нормы ст. 2 указанного Федерального закона. Судебная практика применяет рассматриваемое предписание исключительно в контексте обратной силы уголовного закона, каких-либо упоминаний о территориальном юрисдикционном аспекте судебные решения не содержат. Такое толкование видится не совсем точным в связи с невозможностью применения к правоотношениям, относящимся к предмету Закона, правил ст. 11 и 12 УК РФ. Другими словами, действие УК РФ в отрыве от рассматриваемого Федерального закона не распространяется на деяния, совершенные на территориях Республики Крым и города Севастополя до 18.03.2014 г. В связи с этим более приемлемым является основанное на анализе классических структур нормативных предписаний, устанавливающих пределы действия уголовного закона, доктринальное понимание нормы ст. 2 как дуалистической пространственно-временной коллизионной нормы. Автор подвергает критике законодательную регламентацию ст. 2 в связи с недостатками ее юридической техники, существенными внутренними концептуальными противоречиями, несогласованностью избранного законодателем дуалистического подхода с классическими постулатами российской уголовно-правовой юрисдикционной теории. На основании анализа отечественной доктрины, российского и зарубежного законодательства, а также судебной практики выработана авторская модель ст. 2 Федерального закона № 91-ФЗ.

Ключевые слова

пределы действия уголовного закона, действие уголовного закона во времени и пространстве, коллизионная норма уголовного закона, обратная сила уголовного закона, толкование уголовно-правовых норм, юридическая техника.

Библиографическое описание: Цай К.А. Неклассическая экстерриториальность уголовного закона в контексте Федерального закона от 05.05.2014 г. № 91-ФЗ // Право. Журнал Высшей школы экономики. 2016. № 1. С. 103–111.

JEL: K14; УДК: 343

DOI: 10.17323/2072-8166.2016.1.103.111

Новый подход в регламентации пределов действия уголовного закона¹. На сегодняшний день законодательная практика большинства государств мира идет по пути дифференцированного закрепления временных и пространственных пределов действия уголовного закона²; опосредующие их коллизионные предписания традиционно располагаются в разных статьях нормативных актов и практически не пересекаются между собой³. В нашей стране такой подход был впервые изложен О. Гореглядом в фундаментальном труде «Опыт начертания российского уголовного права»⁴, который лег в основу всего дальнейшего учения о действии уголовного закона в пространстве и во времени, а также определил магистральное направление законодательного конструирования пределов действия российского уголовного законодательства на многие годы вперед. Несмотря на неоднократное, а подчас кардинальное изменение научных взглядов на изучаемые институты, линия дифференцированного рассмотрения и позиционирования пространственных и темпоральных границ действия уголовного закона последовательно выдерживалась доктриной и законодателем на всем протяжении истории развития данного учения⁵.

Однако не имевшее прецедентов в новейшей истории присоединение к нашей стране новых территорий знаменовало пересмотр устоявшейся традиции. В принятом в рамках интеграционного процесса Федеральном законе от 05.05.2014 г. № 91-ФЗ «О применении положений Уголовного кодекса Российской Федерации и Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации на территориях Республики Крым и города федерального значения Севастополя» (далее — Федеральный закон № 91-ФЗ) вопросы пространства и времени рассматриваются весьма нетипичным способом.

Ст. 2 Федерального закона № 91-ФЗ устанавливает: «Преступность и наказуемость деяний, совершенных на территории Республики Крым и города Севастополя до 18.03.2014 г. определяется на основании уголовного законодательства Российской Федерации. Поворот к худшему при этом не допускается». Видно, что при регламентации коллизионных предписаний⁶ изучаемого нормативного акта законодатель отошел от классических ша-

¹ Все нормативные правовые акты и судебные решения, упоминаемые в настоящей статье, приводятся согласно данным СПС КонсультантПлюс по состоянию на 24.10.2015 г.

² Под пределами уголовного закона следует понимать границы распространения его юридической силы. Можно выделить два основных типа уголовно-правовых пределов: 1) пределы действия уголовного закона (пространственные и временные); 2) пределы применения уголовного закона/предметные пределы уголовного закона (вопросы соотношения уголовно-правовых предписаний с предписаниями иных отраслей права, в том числе криминализация и декриминализация). Подробнее о пределах действия уголовного закона см., например: *Пудовочкин Ю.Е.* Учение об уголовном законе: лекции. М.: Юрлитинформ, 2014. С. 165–169. Подробнее о пределах применения уголовного закона см., напр.: *Погосова З.М., Редчиц М.А., Гегамова А.Н.* Принципы криминализации в англо-американской доктрине / Уголовное право и современность: сборник статей. Вып. 5 / отв. ред. Г.А. Есаков. М.: Проспект, 2014. С. 335–357.

³ Об этом см., например: *Додонов В.Н.* Сравнительное уголовное право. Общая часть: Монография. М., 2010. С. 118–132.

⁴ *Горегляд О.* Опыт начертания российского уголовного права. Ч. 1. О преступлениях и наказаниях вообще. СПб., 1815. 224 с.

⁵ Исторический обзор см., например: *Блум М.И.* Действие советского уголовного закона во времени и пространстве. Дис. ... д-ра юрид. наук. Рига, 1975. 390 с.

⁶ В теории права под коллизионными нормами понимается «разновидность специализированных правовых норм, принимаемых с целью устранения коллизий, возникающих между юридическими предписаниями». См., например: *Поляков О.А.* Юридические коллизии в сфере деятельности органов внутренних дел по обеспечению и защите прав граждан: Авт. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2003. 22 с. Данная разновидность правовых предписаний является чрезвычайно важной для российского закона, что подтверждается п. «п» ст. 71 Конституции России, в соответствии с которым федеральное коллизи-

блов, создав норму, содержащую в себе указание как на время («совершенных ... до 18.03.2014 г.»), так и на пространство действия уголовного закона («совершенных на территории ...»). Такое решение не имеет аналогов и истории нашей страны и в современной законодательной практике других государств⁷, что вызвало характерные трудности в определении правовой природы данной нормы и предмета ее регулирования.

На сегодняшний день сложились две основные позиции на этот счет.

1. Ст. 2 Федерального закона № 91-ФЗ определяет специальные правила действия уголовного закона во времени, которые распространяются только на территории Республики Крым и города Севастополя (позиция судебной практики);

2. Ст. 2 данного Федерального закона устанавливает специальные границы временных и пространственных пределов действия уголовного закона одновременно (позиция доктрины).

Изучение практики применения ст. 2 приводит к выводу, что она толкуется судами как специальное правило действия российского уголовного закона во времени. Каких-либо упоминаний об экстерриториальном характере преступлений, совершенных на территории Республики Крым и города Севастополя до 18.03.2014 г., а равно о том, что ст. 2 рассматриваемого Закона определяет пространственные пределы действия уголовного закона, судебные решения не содержат⁸.

Такая позиция, очевидно, основанная на грамматическом толковании⁹ ст. 2, упускает из виду немаловажный факт: основная часть преступлений, совершенных на террито-

---

онное право отнесено к предмету исключительного ведения Российской Федерации. Нормы, закрепляющие пределы действия уголовного закона, являются подвидом коллизионных норм в общей теории права и представляют собой односторонние, максимально обобщенные нормативные предписания, определяющие границы действия национального уголовного закона в пространстве и по кругу лиц посредством отнесения к предмету его регулирования группы преступных посягательств, выделенной и обособленной на основании одного или нескольких формальных критериев.

⁷ Однако следует оговориться, что в современном мировом сообществе наблюдается устойчивая тенденция к изменению классических подходов к регламентации действия уголовного закона в пространстве, в частности, она выражается в расширении экстерриториальных границ уголовного закона. См. об этом: *Есаков Г.А.* Экстерриториальное действие уголовного закона: современные мировые тенденции // Закон. 2015. № 8. С. 82–89.

⁸ Одна из первых и, вероятно, всего, определяющих позиций по этому вопросу содержалась в Апелляционном определении Верховного Суда Российской Федерации от 18.12.2014 г. по делу № АПЛ14-542, в котором Суд не согласился с доводами жалобы адвоката, считавшего, что рассмотрение уголовного дела его подзащитного неподсудно ни одному из судов России, а подсудимый подлежит передаче для уголовного преследования Украине. При этом, мотивируя свое решение, Верховный Суд не основывался на положениях ст. 2, несмотря на то, что в апелляционной жалобе фактически оспаривалась территориальная уголовно-правовая юрисдикция России. Более определенное суждение по поставленному вопросу сформулировано в апелляционном постановлении Севастопольского городского суда по делу № 22К-174/2015, которым было отменено постановление Нахимовского городского суда об оставлении без удовлетворения жалобы С.А.В. на постановление о возбуждении в отношении него уголовного дела. Сославшись на ст. 2 Федерального закона № 91-ФЗ, суд апелляционной инстанции указал: «По состоянию на сентябрь 2012 года, С.А.В. являлся гражданином Украины, работал в прокуратуре Украины, события, вменяемые С.А.В., имели место на территории Украины. При этом в указанный период времени уголовная ответственность регулировалась Уголовным кодексом Украины, которым не была предусмотрена ответственность за деяния, вменяемые С.А.В. обжалуемым постановлением... В соответствии с ч. 1 ст. 10 УК РФ, уголовный закон, устанавливающий преступность деяния, усиливающий наказание или иным образом ухудшающий положение лица, обратной силы не имеет» (курсив наш — К.Ц.).

⁹ Понятие грамматического толкования, его этапов и правил см., например: *Волосюк Е.А.* Грамматическое толкование норм Уголовного кодекса Российской Федерации. М.: Юрлитинформ, 2015.

риях Республики Крым и города Севастополя до 14.03.2014 г., не подпадает под общие юрисдикционные правила ст. 11 и 12 УК РФ. Соответственно, в отсутствие специального указания распространение обратной силы уголовного закона на данную группу преступлений невозможно¹⁰.

В связи с этим более приемлемой видится **доктринальная позиция**, которая заключается в том, что «Федеральный закон от 5 мая 2014 г. № 91-ФЗ — это пример закона, содержащего, главным образом, специализированные, оперативные предписания, *распространяющие экстерриториальное действие российского уголовного и уголовно-процессуального законодательства* (до 18 марта 2014 г. указанные территории не входили в состав Российской Федерации) в рамках обратной силы его действия»¹¹ (курсив наш. — К.Ц.).

Мы полагаем, что точка зрения о дуалистической природе коллизионной нормы ст. 2 рассматриваемого Федерального закона может быть доказана исходя из двух основных постулатов:

1) необходимости специального правила, расширяющего экстерриториальную юрисдикцию российского уголовного закона;

2) особенностей структуры коллизионной нормы ст. 2.

Существует мнение, согласно которому грамматическое толкование нормативного акта в системной связи только его собственных элементов в ряде случаев не достигает поставленной цели¹². Мы полагаем, что для уяснения подлинного смысла законодательного предписания необходимо обращаться к **«классической структуре нормативного предписания»**, т.е. к набору юридико-технических приемов, который применяется законодателем для регламентации определенных типов нормативных предписаний и выражается в применении стандартизированной структуры нормы, использовании идентичных лексических приемов и оборотов, оперировании схожим терминологическим аппаратом и др.

На наш взгляд, изучение классических структур нормативных предписаний позволит выявить некоторые типичные варианты нормативных конструкций в их соотношении с особенностями применения, телеологией¹³, правовой природой и сущностью норм, в которых они используются. Соответствие конструкции конкретного предписания той или иной «классической» структуре позволит с достаточной точностью предположить, что сущностные и смысловые характеристики данных явлений также являются идентичными.

В мировой законодательной практике сложились относительно устойчивые **классические структуры пространственных и временных пределов действия уголовного**

¹⁰ На эту проблему еще до принятия анализируемого Закона в порядке теоретического моделирования обращали внимание в своей статье А.Г. Волеводз и Е.А. Копылова. Ученые справедливо полагали, что будет затруднительным распространить правила экстерриториального действия уголовного закона на группу преступлений, совершенных на территории Республики Крым и города Севастополя до 18.03.2014 г., поскольку эти преступления в большинстве своем не подпадают под правила ст. 12 УК РФ. См.: *Волеводз А.Г., Копылова Е.А.* К вопросу о введении в действие УК и УПК РФ в Республике Крым и городе Севастополе: проблемы, применимый опыт и пути решения // Библиотека криминалиста. 2014. № 3. С. 331.

¹¹ *Маркунцов С.А.* Некоторые соображения о новом элементе российского уголовного законодательства и источнике отечественного уголовного права // Российская юстиция. 2014. № 7. С. 46–50.

¹² См., например: *Тарасов Н.Н.* Методологические проблемы юридической науки. Екатеринбург, 2001.

¹³ Под телеологией здесь и далее мы понимаем науку о полагании смысла. См.: *Пивов В.М.* Философия смысла, или Телеология. М., 2013. С. 45–47.

закона. Классическая структура правила территориального действия уголовного закона выглядит следующим образом: «Уголовный закон государства N распространяет свое действие на все уголовно-правовые деликты, совершенные на территории государства N, а равно на территориях, приравненных к таковой». Основными элементами «территориальной» коллизийной нормы (т.е. нормы, определяющей действие уголовного закона в пространстве по признаку территории)¹⁴ являются:

1. Объем нормы. Как правило, содержит указание на деяния, совершенные в пределах государственной территории или квазитерритории.

2. Привязка нормы. Как правило, содержит указание на закон государства принадлежности нормы.

Классическая структура правила действия уголовного закона во времени выглядит следующим образом: «Уголовный закон распространяется на деяния, совершенные в период его действия, если в самом законе или ином нормативном акте не указано иное». Представляется, что основными элементами данной нормы являются:

1. *Объем нормы.* Как правило, содержит указание на деяния, совершенные в период действия этого закона, либо на которые была распространена обратная сила.

2. *Привязка нормы.* Как правило, содержит указание на закон, имеющий юридическую силу в момент совершения деяния или распространяющий на него свое ретро-спективное действие (обратную силу).

Сравнение приведенных моделей со структурой коллизийной нормы ст. 2 анализируемого Федерального закона демонстрирует идентичность юридико-технических приемов, использованных при построении последней, что непосредственно указывает на схожесть телеологических, смысловых и сущностных элементов сравниваемых категорий. Можно сделать вывод, что правовая природа рассматриваемой нормы включает в себя два разных коллизийных предписания, определяющих различные типы пределов действия уголовного закона. При этом, поскольку основные элементы (объем и привязка) темпоральной и территориальной коллизийных норм в рамках ст. 2 текстуально совпадают, данная статья в зависимости от обстоятельств применения может пониматься либо как темпоральное коллизийное предписание, либо как принцип действия уголовного закона в пространстве (но только не в обоих смыслах одновременно!).

Недостатки дуалистической регламентации пределов действия уголовного закона. На наш взгляд, примененный законодателем вариант регламентации ст. 2 нельзя назвать удачным в силу следующих обстоятельств.

¹⁴ Общая структура коллизийной нормы уголовного закона не отличается от структуры аналогичного правового предписания в международном частном праве и содержит: 1) объем нормы, который определяет группу правоотношений, являющуюся предметом данной нормы. В уголовном праве присутствует широкий спектр объемов, которые охватывают различные группы преступных посягательств, выделенных по определенному признаку. Современные уголовные законы государств мира содержат четыре основных (территориальное правоотношение; правоотношение экстерриториального подчинения; правоотношение нарушенной защиты; космополитическое правоотношение) и несколько дополнительных типов объемов (правоотношение исключенного субъекта; правоотношение специальных миссий военнослужащих и др.); 2) привязку нормы, которая определяет, право какого государства должно быть применено к данному конкретному уголовно-правовому отношению. Мировая законодательная практика поддерживает две разновидности отсылок: к национальному праву (чаще всего — к уголовному кодексу государства принадлежности нормы) или праву национальных обязательств (используется сравнительно редко, в основном, при регламентации привлечения к уголовной ответственности дипломатических работников). Про общую структуру коллизийной нормы см., например: Тихомиров Ю.А. Коллизийное право. М., 2000. С. 49–66.

1. *Недостатки юридической техники.* Толкование ст. 2 в системе с иными положениями анализируемого нормативного акта неизбежно приводит к выводу о наличии **внутренней нормативной коллизии**. Так, ст. 10 того же закона устанавливает: «Действие настоящего Федерального закона распространяется на *правоотношения, связанные с деяниями*, совершенными на территориях Республики Крым и города Севастополя до 18.03.2014 г.» (курсив наш. — К.Ц.). Ст. 2 этого же закона относит к сфере действия УК РФ только *деяния*, совершенные на указанных территориях до указанной даты.

Коль скоро «деяние» и «правоотношения» являются разными правовыми категориями, а правоотношения возникают после порождающего их юридического факта (в данном случае — деяния)¹⁵, выходит, что рассматриваемый Федеральный закон относит к ведению УК РФ явления, не включенные в его собственный предмет. Это вынуждает правоприменителя толковать ст. 10 расширительно, тем самым заполняя пробел, образовавшийся в законодательстве (УК РФ не распространяется на деяния, отнесенные к его ведению рассматриваемым Федеральным законом).

2. *Несогласованность с основополагающими постулатами классической доктрины пределов действия уголовно-правовых норм.* Наиболее существенным концептуальным недостатком ст. 2 следует назвать распространение действия УК РФ во времени за пределы российской уголовно-правовой юрисдикции.

Известно, что обратная сила уголовного закона предполагает распространение новых правовых предписаний на отношения, урегулированные уже утратившим силу законом, *но только в рамках одной правовой системы*¹⁶. Рассматриваемая норма определяет обратную силу УК РФ таким образом, что кодекс приобретает юридическую обязательность в отношении преступлений, совершенных на территории Республики Украины (на территории, входившей в состав Украины на момент совершения преступления). Получается, что правило обратной силы ст. 2 Закона как бы отменяет действовавший ранее украинский закон и расширяет территориальные границы действия УК РФ без использования пространственной коллизионной нормы, которая, в свою очередь, применяется только в части преступлений, совершенных после 18.03.2014 г.¹⁷ Как видится, приведенное «темпоральное юрисдикционное расширение» несколько выходит за пределы изначальной сущности правил действия уголовного закона во времени.

3. *Внутренние концептуальные противоречия идеи дуализма пространственных и временных пределов действия уголовного закона.* Последний недостаток напрямую связан с предыдущим. Временные пределы, как было указано ранее, устанавливаются в рамках одной правовой системы в целях определения границ юридической силы между «старым» и ныне действующим нормативными актами. Территориальные же правила определяет

¹⁵ См., напр.: *Петрова О.Г.* Понятие объекта уголовно-правового отношения // Вестник Нижегородского университета. 2013. № 3 (2) С. 160.

¹⁶ В научной литературе обратная сила уголовного закона определяется как «тип темпорального действия закона, характеризующийся распространением обязательности положений уголовного закона на деяния, предшествовавшие моменту его введения в действие, и порожденные ими правоотношения». См.: *Ерасов А.М.* Обратная сила уголовного закона: Автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2004. С. 15.

¹⁷ Аналогичную ситуацию описывала в своем труде З.А. Незнамова, которая полагала, что проблема соотношения правовых режимов нескольких разных государств при изменении их взаимных границ относится к разновидности территориальных коллизий и должна решаться посредством ограниченного (ко времени до присоединения) применения норм иностранного закона на присоединенной к государству территории. См.: *Незнамова З.А.* Коллизии в уголовном праве: монография. Екатеринбург, 1994. С. 171–172.

юрисдикционные рамки государственного правового режима, позиционируя его в международном правовом поле в соотношении с уголовно-правовыми суверенитетами других государств и их правовыми системами. Другими словами, категория времени имеет исключительно внутреннее значение, тогда как пространство телеологически направлено на гармонизацию межгосударственных отношений. На наш взгляд, текстуальное взаимоинтегрирование разнонаправленных и концептуально различающихся правовых категорий, как это имеет место в ст. 2, является как минимум спорным решением.

Рекомендации по совершенствованию закона¹⁸. Исследование показало, что ст. 2 Федерального закона № 91-ФЗ, объединив в себе два равнозначных коллизионных предписания, исказила их сущность, смысл и содержание, породила обильную почву для двоякого толкования и существенно затруднила выявление истинной воли законодателя. Решение указанной проблемы мы видим в «классическом» дифференцированном закреплении пределов действия уголовного закона с использованием устоявшихся конструкций, присущих территориальной и темпоральной коллизионным нормам. Ниже приводится один из возможных вариантов такой регламентации:

Статья 2.

1. Преступность и наказуемость деяний, совершенных на территориях Республики Крым и города Севастополя до 18 марта 2014 года, определяется уголовным законодательством Российской Федерации, действовавшим во время совершения этого деяния. При этом установление преступности деяния, усиление наказания, а равно иное ухудшение положения лица не допускается.

2. Лицо, совершившее преступление на территориях Республики Крым и города Севастополя до 18 марта 2014 года, подлежит уголовной ответственности по уголовному закону Российской Федерации в соответствии с правилами, закрепленными в ст. 11 УК РФ.

Статья 10.

Действие настоящего Федерального закона распространяется на деяния, совершенные на территориях Республики Крым и города Севастополя до 18 марта 2014 года, а также на связанные с этими деяниями правоотношения.

Мы полагаем, что предложенный вариант позволит избежать рассмотренных в настоящей статье проблем и, возможно, послужит более определенному и недвусмысленному выражению законодательной воли.

Библиография

Артеменко Н., Шимбарева Н. Назначение наказания по уголовному законодательству России и Украины: сравнительный анализ и практические рекомендации // Уголовное право. 2014. № 4. С. 4–10.

Блум М.И. Действие советского уголовного закона во времени и пространстве. Дис. ... д-ра юрид. наук. Рига, 1975. 390 с.

Волеводз А.Г., Копылова Е.А. К вопросу о введении в действие УК и УПК РФ в Республике Крым и городе Севастополе: проблемы, применимый опыт и пути решения // Библиотека криминалиста. 2014. № 3. С. 327–347.

¹⁸ В данном случае мы предлагаем вариант закрепления того пути решения проблемы, который был избран законодателем, и не высказываем своего мнения об иных возможных способах. Обоснование законодательного подхода см., например: Артеменко Н., Шимбарева Н. Назначение наказания по уголовному законодательству России и Украины: сравнительный анализ и практические рекомендации // Уголовное право. 2014. №4. С. 4–10. Описание иных путей см., напр.: Волеводз А.Г. Копылова Е.А. Указ. соч. С. 327–347.

- Волосюк Е.А. Грамматическое толкование норм Уголовного кодекса Российской Федерации. М.: Юрлитинформ, 2015. 184 с.
- Горегляд О. Опыт начертания российского уголовного права. Ч. 1. О преступлениях и наказаниях вообще. СПб.: Тип. И. Иоаннесова, 1815. 224 с.
- Додонов В.Н. Сравнительное уголовное право. Общая часть: монография. М.: Юрлитинформ, 2010. 448 с.
- Ерасов А.М. Обратная сила уголовного закона: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2004. 23 с.
- Есаков Г.А. Экстерриториальное действие уголовного закона: современные мировые тенденции // Закон. 2015. № 8. С. 82–89.
- Маркунцов С.А. Некоторые соображения о новом элементе российского уголовного законодательства и источнике отечественного уголовного права // Российская юстиция. 2014. № 7. С. 46–50.
- Незнамова З.А. Коллизии в уголовном праве: монография. Екатеринбург: Cricket, 1994. 284 с.
- Петрова О.Г. Понятие объекта уголовно-правового отношения // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. 2013. № 3 (2) С. 160–162.
- Погосова З.М., Редчиц М.А., Гегамова А.Н. Принципы криминализации в англо-американской доктрине / Уголовное право и современность: сборник научных статей. Вып. 5. Отв. ред. Г.А. Есаков. М.: Проспект, 2014. С. 335–357.
- Пудовочкин Ю.Е. Учение об уголовном законе: лекции. М.: Юрлитинформ, 2014. 272 с.
- Тилле А.А. Время, пространство, закон. Действие советского закона в пространстве. М.: Юридическая литература, 1965. 203 с.
- Тихомиров Ю.А. Коллизионное право: учебное и научно-практическое пособие. М.: Юринформ-центр, 2000. 394 с.
-

Non-Classical Extraterritoriality of Criminal Law (in Context of the Federal Law of May 5, 2014 № 91-FZ)

Kyrill Tsay

Postgraduate Student, Department of Criminal Law and Criminalistics, National Research University Higher School of Economics. Address: 20 Myasnitskaya Str., Moscow, 101000, Russian Federation. E-mail: D503.ts@mail.ru

Abstract

The paper studies the issue of widening Russian criminal law jurisdiction based on the Federal Law of May 5, 2014 № 91-FZ under the title On Applying the Provisions of Criminal Law of the Russian Federation and the Criminal Procedure Code of the Russian Federation on the territories of the Republic of Crimea and the City of Federal Status Sebastopol. Within the normative legal act, legislators rejected the traditional way of the differentiated fixture of the principles of criminal law in time and space by unifying them in the text of the conflict-of-law rule. Historically, both in Russian and foreign criminal law, the analogues of such a decision, which aggravated with incorrect legal mechanics regulation, has caused an ambiguous interpretation of the conflict-of-law rule produced by Article 2 of the Federal Law mentioned. Judicial practice applies the prescription in question only in terms of retrospective criminal law. Judicial opinions lack any traces of the aspect of territorial jurisdiction. This interpretation is seen incorrect due to the impossibility to apply it to the legal relations connected with the Federal Law mentioned and with rules Articles 11 and 12 of the Russian Federation Criminal Code. Hence, without the Federal Law mentioned, the Criminal Code of Russian Federation is not applied to the deeds committed on the territories of the Republic of Crimea and the City of Sebastopol before March 18th, 2014. Thus, the doctrinal interpretation of norm of Article 2 of Federal Law № 91-FZ as a dualistic time and space conflict-of-law rule is seen more realistic as it is based on the analysis of classical patterns of normative prescriptions. The author criticizes the legislative regulation in Article 2 of the Federal Law mentioned due to the lack of legal mechanics, material inner conceptual contradictions, inconsistency between the dualistic approach and the classical postulates of the Russian legal theory of criminal law. On the basis

of analysis of Russian and foreign legislation as well as judicial practice, the author proposes his own version of Article 2 for the Federal Law № 91-FZ.

Keywords

limits of criminal law jurisdiction, criminal law in time and space, conflict of law rule in criminal law, retrospective criminal law, interpretation of criminal law rules, legal mechanics.

Citation: Tsay K.A. (2016) Non-Classic Extraterritoriality of Criminal Law (in Context of the Federal Law of May 5, 2014, № 91-FZ). *Pravo. Zhurnal Vysshey shkoly ekonomiki*, no 1, pp. 103–111 (in Russian).

DOI: 10.17323/2072-8166.2016.1.103.111

References

Artemenko N., Shimbareva N. (2014) Naznachenie nakazaniya po ugovornomu zakonodatel'stvu Rossii i Ukrainy: sravnitel'nyy analiz i prakticheskie rekomendatsii [Punishment in the Criminal Law of Russia and Ukraine: Comparison and Recommendations]. *Ugolovnoe pravo*, no 4, pp. 4–10.

Blum M.I. (1975) *Deystvie sovetskogo ugovornogo zakona vo vremeni i prostranstve*. (Diss. Doktor. Jurid. Nauk). [Soviet Criminal Law in Time and Space (Doctor of Juridical Sciences Dissertation)]. Riga, 390 p.

Dodonov V.N. (2010) *Sravnitel'noe ugovornoe pravo. Obshchaya chast': Monografiya* [Comparative Criminal Law. General Part: Monograph]. Moscow: Yurлитinform, 448 p. (in Russian)

Erasov A.M. (2004) Obratnaya sila ugovornogo zakona: (Avtoref. diss. ...kand. jurid. nauk) [Retrospective Features of Criminal Law (Summary of Candidate of Juridical Sciences Dissertation)]. Moscow, 23 p.

Esakov G.A. (2015) Eksterritorial'noe deystvie ugovornogo zakona: sovremennyye mirovyye tendentsii [Extraterritorial Force of Criminal Law: Contemporary International Trends]. *Zakon*, no 8, p. 82–89.

Goreglyad O. (1815) *Opyt nachertaniya rossiyskogo ugovornogo prava. Ch. 1. O prestupleniyakh i nakazaniyakh vobshche* [Experience of Writing Russian Criminal Law. Part 1. On Crimes and Punishments in General]. Saint Petersburg: Ioannesov, 224 p. (in Russian)

Markuntsov S.A. (2014) Nekotorye soobrazheniya o novom elemente rossiyskogo ugovornogo zakonodatel'stva i istochnike otechestvennogo ugovornogo prava [Ideas on New Component of Criminal Law and Source of Russian Criminal Law]. *Rossiyskaya yustitsiya*, no 7, pp. 46–50.

Neznamova Z.A. (1994) *Kollizii v ugovornom prave: monografiya* [Conflict of Law in Criminal Legislation: Monograph]. Ekaterinburg: Cricket, 284 p. (in Russian)

Petrova O.G. (2013) Ponyatie ob'ekta ugovorno-pravovogo otnosheniya [Concept of Object in Criminal Law]. *Vestnik Nizhegorodskogo universiteta*, no 3, pp. 160–162.

Pogosova Z.M., Redchits M.A., Gegamova A.N. (2014) Printsipy kriminalizatsii v anglo-amerikanskoj doktrine [Principles of Criminalization in Anglo-American Doctrine]. *Ugolovnoe pravo i sovremennost': sbornik nauchnykh statey* [Criminal Law and Modernity: Collection of Papers]. G.A. Esakov (ed.). Moscow: Prospekt, pp. 335–357.

Pudovochkin Yu.E. (2014) *Uchenie ob ugovornom zakone: lektsii* [Criminal Law Theory: Lectures]. Moscow: Yurлитinform, 272 p. (in Russian)

Tille A.A. (1965) *Vremya, prostranstvo, zakon. Deystvie sovetskogo zakona v prostranstve* [Time, Space, Law. Operation of Law]. Moscow: Yuridicheskaya literatura, 203 p. (in Russian)

Tikhomirov Yu.A. (2000) *Kollizionnoe pravo: Uchebnoe i nauchno-prakticheskoe posobie* [Conflict of Laws. Manual]. Moscow: Yurinformtsentr, 394 p. (in Russian)

Volevodz A.G., Kopylova E.A. (2014) K voprosu o vvedenii v deystvie UK i UPK RF v Respublike Krym i gorode Sevastopole: problemy, primenimyy opyt i puti resheniya [On Enacting Russian Federation Criminal Law in Republic of Crimea and City of Sebastopol: Issues, Applicable Experience and Ways to Solution]. *Biblioteka kriminalista*, no 3, pp. 327–347.

Volosyuk E.A. (2015) *Grammaticheskoe tolkovanie norm Ugolovnogo kodeksa Rossiyskoy Federatsii* [Grammatical Interpretation of the Rules in Russian Federation Criminal Code]. Moscow: Yurлитinform, 184 p. (in Russian)